

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 31–37

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 31–37

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-31-37>, EDN: IKTMVI

Научная статья

УДК 930(410)|11|:305

Женское и женоподобное: восприятие гендерных норм в англо-нормандском историописании XII века

А. А. Сироткина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Сироткина Анастасия Андреевна, аспирант кафедры Истории средних веков, AnastasiaSir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9136-8446>, AuthorID: 1084058

Аннотация. В статье рассматривается то, как англо-нормандские хронисты первой половины XII в. писали о порицаемом мужском и женском поведении. Предметом изучения стали сочинения самых значимых историков эпохи – Уильяма Мальмсберийского, Иоанна Вустерского, Генриха Хантингдонского и Ордера Виталия. Автор статьи приходит к выводу, что рассмотренные в статье сюжеты с участием героев, чье поведение не соответствует нормативному маскулинному и фемининному, имели в рамках исторического нарратива целью не только наставление, предостережение и развлечение читателей, но и являлись важным инструментом объяснения переломных событий английского прошлого.

Ключевые слова: Уильям Мальмсберийский, Иоанн Вустерский, Ордерик Виталий, Генрих Хантингдонский, англо-нормандское историописание, гендерное поведение

Для цитирования: Сироткина А. А. Женское и женоподобное: восприятие гендерных норм в англо-нормандском историописании XII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 31–37. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-31-37>, EDN: IKTMVI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Feminine and Effeminate: Perception of gender norms in 12th-century Anglo-Norman Historical Writing

A. A. Sirotkina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Anastasiia A. Sirotkina, AnastasiaSir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9136-8446>, AuthorID: 1084058

Abstract. The article examines how Anglo-Norman chroniclers of the first half of the 12th century wrote about condemned male and female behavior. The subject of study is the works of the most significant historians of the era – William of Malmesbury, John of Worcester, Henry of Huntingdon and Orderic Vitalis. The author of the article comes to the conclusion that vivid stories involving heroes whose behavior does not correspond to the normative masculine and feminine, within the framework of the historical narrative, had the purpose not only to instruct, warn and entertain readers, but also served as an important tool for explaining the turning points of the English past.

Keywords: William of Malmesbury, Orderic Vitalis, John of Worcester, Henry of Huntingdon, Anglo-Norman historical writing, gender behavior

For citation: Sirotkina A. A. Feminine and Effeminate: Perception of gender norms in 12th-century Anglo-Norman Historical Writing. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 31–37 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-31-37>, EDN: IKTMVI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

XII век – время бурного подъема английского историописания. Сегодняшняя наука не нуждается в дополнительных доказательствах этого факта: совокупность исследований, посвященных трудам отдельных авторов и интеллектуальной среде в целом, закрепила за этим периодом статус самого яркого и плодотворного в истории английского историописания [напр.: 1–4].

В рамках изучения этой традиции предметом интереса являлись и различные гендерные сюжеты, однако исследователи в основном обращали внимание на труды отдельных англо-нормандских авторов [напр.: 5–7]. Предпочтительными в историографии остаются сюжеты древнеанглийского материала [напр.: 8–9], подобный интерес разделяют и отечественные исследователи,

среди которых наиболее существенный вклад вносит И. И. Болдырева [напр.: 10–12].

Настоящая статья призвана частично заполнить существующую лауну и обратиться к гендерным сюжетам в совокупности текстов англо-нормандских историков. Преимущественно нас интересуют труды о политической истории Англии, датируемые первой половиной XII в. Среди них «Gesta Regum Anglorum» («Деяния королей англов») Уильяма Мальмсберийского [13, 14], «Chronicon ex Chronicis» («Хроника из хроник») Иоанна Вустерского [15, 16], «Historia Anglorum» («История англов») Генриха Хантингдонского [17, 18] и «Historia Ecclesiastica» («Церковная история») Ордерика Виталия [19–24].

В статье рассматривается отношение английских авторов к недостойному (с их точки зрения) мужскому и женскому поведению, а также тому, играло ли оно определённую роль в выстраивании ими исторического нарратива или же служило исключительно развлечению и назиданию читателей (яркие и поучительные истории были общим местом исторических трудов [25, с. 183]).

Начнем с того, что средневековое общество характеризует непринятие перевернутого гендерного поведения: женоподобные мужчины и мужеподобные женщины нарушали нормативные гендерные отношения и встречали порицание со стороны авторов [26, р. 201–209; 27, р. 28].

Составляющими порицаемого изнеженного мужского образа были длинные волосы, неподобающе элегантная одежда, женоподобные поведение и жесты. Так, например, Ордерик Виталий и Уильям Мальмсберийский порицали придворную моду и обычаи времен правления Вильгельма Руфуса. Среди многочисленных грехов и преступлений сына Вильгельма Завоевателя, таких как притеснение и ограбление церкви, несправедливые суды, своеволие баронов, а также неоправданное насилие [13, р. 558–560; 22, р. 146–149; 23, р. 286–288], изнеженность и женоподобное поведение занимали важное место: «В моду вошли длинные распущенные волосы, роскошные одежды, обувь с загнутыми и заостренными носками. Мягкость тела, соперничающая со слабым полом, грациозная походка, изнеженные жесты и свободная демонстрация голых груди – такова была идеальная мода молодых людей. Расслабленные, изнеженные, они не хотели оставаться такими, какими их задумала Природа; они были врагами чужой стыдливости и неразборчивы в отношениях со своей собственной» (Tunc fluxus crinium, tunc luxus uestium, tunc usus calceorum cum arcuatis aculeis inuentus; mollitie corporis certare cum feminis, gressum frangere, gestu soluto et latere nudo incedere adolescentium specimen erat. Enerues, emolliti, quod nati fuerant inuiti manebant, expugnatores alienae pudicitiae, prodigi suae) [13, р. 558–560].

Тема неподобающих одеяний раскрывается и Генрихом Хантингдонским. В числе грехов, за которые Бог покарал англичан в 1066 г. в лице Вильгельма Завоевателя, упоминается крайнее разнообразие украшений и одеяний: «родится столь переменчивое поколение, что непостоянство, скрытое в умах людей и проявляющееся в их делах, приведет к великому разнообразию их украшений и одеяний» (Predixit nihilominus uarium adeo seculum creandum, ut uarietas que in mentibus hominum latebat et in actibus parebat, multimoda uariatione uestium et indumentorum designaretur) [17, р. 174; 18, с. 255].

Отметим, что указания на неподобающие мужам одеяния отличает тексты наших авторов от воспоминаний свидетелей двора Вильгельма Руфуса. Так, хронист Эадмер (ок. 1060–1126) упоминал только длинные волосы [28, р. 48]. Возможно, описания придворной моды Уильямом Мальмсберийским и их дополнения Ордериком Виталием представляют собой добавления [29, р. 20–21] или же фиксирование бытовавших в их время слухов.

Вероятно, англо-нормандские хронисты связывали неподобающую мужам моду с испорченной моралью. Так, Ордерик Виталий пишет: «Это способствовало появлению новой моды в западных регионах, которая радовала легкомысленных (leuibus) мужчин, ищущих новинок... До этого обувь всегда делалась круглой, по размеру стопы и соответствовала потребностям знатных и простых людей, как духовенства, так и мирян. Но теперь миряне гордо подхватывают моду, свойственную их испорченным нравам. То, что благородные мужи когда-то считали постыдным и совершенно отвергали как грязь, люди нашего века считают сладким, как мед, и выставляют напоказ, как будто это особая благодать» (Insolitus inde mos in occiduum orbem processit leuibusque et nouitatum amatoribus uehementer placuit. Nam antea omni tempore rotundi subtolares ad formam pedum agebantur eisque summi et mediocres clerici et laici competenter utebantur. At modo seculares peruersis moribus competens scema superbe arripiunt, et quod olim honorabiles uiri turpissimum iudicauerunt, et omnino quasi stercus refutauerunt, hoc moderni dulce quasi mel estimant, et ueluti speciale decus amplectentes gestant) [22, р. 186]. Таким образом, автор напрямую связывает испорченную мужскую мораль с их пристрастием к элегантным одеяниям.

Указания на неподобающие мужам одеяния и поведение отражают «переживания» авторов (в англоязычной литературе для описания подобных порицаний и чувств, что их вызывают, используется слово «anxiety» [26, р. 8; 30, 31]) по поводу сексуальных предпочтений англо-нормандской знати, в частности речь идет о таком грехе, как содомия.

О гомосексуальных наклонностях баронов при дворах Англии и Нормандии Уильям

Мальмсберийский и Ордерик Виталий пишут напрямую: «Вместе со двором ходили отряды женоподобных людей и шайки распутников. Как справедливо сказал один мудрец: “Двор короля Англии – не обитель величия, а публичный дом для проститутов” (*Sequebantur curiam effeminatorum manus et ganeorum greges: ut non temere a quodam sapiente dictum est: ‘Curia regis Angliae non est maiestatis diuersorium sed exsoletorum prostibulum*) [13, p. 560], «В те времена распутный и развращённый соблазн гулял безнаказанно, содомская похоть марала позором обречённых быть сожжёнными в огне, акты прелюбодеяния открыто оскверняли брачное ложе, а божественный закон полностью игнорировался» (*Inter hac impune procedebat petulans illecebra molles flammisque cremandos turpiter fedabat uenus sodomistica maritalem thorum publice polluebant adulteria, et erga diuinae legis obseruantiam multiplex aderat negligentia*) [22, p. 146].

Содомию упоминает и Генрих Хантингдонский, для него она – причина крушения Белого корабля в 1120 г. Кораблекрушение в этом случае является справедливо настигшим преступников возмездием: «В год Милости 1120-й, когда все в Галлии покорились и умиротворились, король Генрих радостно вернулся в Англию. Но во время переезда через море два сына короля, Вильгельм и Ричард, а также дочь короля и его племянница, равно как и множество королевских баронов, стольников, камерариев, чашников и Ричард, граф Честера, погибли при кораблекрушении. Все они, или почти все, как говорят, были повинны в содомии, и они были пойманы и схвачены. Зрите сияющее возмездие Божие! Они погибли, и почти никто из них не был погребен. Так смерть внезапно похитила тех, кто заслуживал ее, хотя море было очень спокойным и не было ветра» (*Anno MCXX gratie, omnibus domitis et pacificatis in Gallia, cum gaudio rediit Henricus in Angliam. Sed in ipso maris transitu, duo filii regis – Willielmus et Ricardus – et filia regis, et neptis, nec-non multi proceres, dapiferi, camerarii, pincerne regis, et Ricardus consul Cestrie, naufragati sunt. Qui omnes, uel fere omnes, sodomitica labe dicebantur, et erant irretiti. Ecce coruscabilis Dei uindicta! Deperierunt etenim et omnes fere sepultura caruerunt. Inprouise igitur mors absorbit emeritos, cum mare tranquillissimum uentis careret*) [17, p. 242–243; 18, с. 341–342]. В итоге, в трактовке хрониста гибель наследника престола, ставшая причиной последовавших за ней междоусобицы и гражданской войны, – результат содомии, одного из преступлений против христианской нравственности.

Что касается содомии при дворе Вильгельма Руфуса, о ней Генрих Хантингдонский не пишет напрямую, лишь отмечая, что «они [короли и приближенные] свершали свои непотребства не скрытно, но бесстыдно при свете дня» (*Nec*

luxurie scelus tacendum exercebant occulte, sed ex impudentia coram sole) [17, p. 233; 18, с. 330].

В приведенных эпизодах демонстрация неприемлемого для авторов поведения, с одной стороны, используется как инструмент критики порицаемого представителями церкви правителя. Эффеминация мужчин, содомия, стоят в ряду с такими грехами как алчность, несдерживаемая похоть и убийство. С другой стороны, мужчины, чье поведение не соответствует должному, являются одновременно причиной и следствием упадка нравов, что навлекает Божий гнев и ведет страну к катастрофе. Ярко это также прослеживается в труде Уильяма Мальмсберийского.

Для Уильяма поражение англосаксов под натиском датчан и безнравственность короля, в том числе нарушение им нормативного гендерного поведения, неразрывно связаны. Так, хронист одну из причин успеха датских набегов начала XI в. видит в слабости короля Этельреда Нерешительного, о котором говорится, что он был «опозорен изнеженностью» (*mollitie infamis*) [13, p. 268]. Слабость монарха как мужчины и правителя сообщается нам в нескольких эпизодах: во время крещения, будучи младенцем, он прервал таинство, опорожнив кишечник; был причастен к братоубийству; из-за собственной жадности устроил хаос в стране, пойдя с войском на Рочестер; наконец, он был неудачливым полководцем, а также похотливым, поскольку «бесчестил королевское достоинство возлежанием с наложницами» [13, p. 270–276].

Пример Этельреда показывает нам другую сторону нарушения нормативного гендерного поведения – изнеженным он называется Уильямом не из-за склонности к элегантной одежде, женоподобным манерам или гомосексуализму, а из-за того, что не соответствовал представлениям о мужчине-короле-правителе. В приведенном случае нарушение правителем норм приводит страну к упадку как напрямую (он допускает ряд стратегических ошибок и неспособен сплотить армию), так и опосредованно, как результат божественной кары за его испорченный нрав. В правление Этельреда вокруг него появилось много предателей, среди знати не было единства, страну охватили раздор и голод [13, p. 268–274]. Все это облегчило датчанам захват страны.

Очернённый Уильямом образ и репутация Этельреда прочно закрепились в английской историографической традиции [32, p. 22]. Этельред не был успешным правителем, ему не удавалось предотвратить поражения, наносимые одной армией викингов за другой, и вместо достойного военного ответа он заплатил огромную дань, которая не стала гарантией мира [33, p. 138–151]. Описывая этот печальный период английской истории, Уильям подвергнул резкой критике Этельреда, обвинив его в целом ряде пороков, включая, среди прочего, его изнеженность.

Рассмотрение приведенных эпизодов позволило выявить словарь, употребляемый авторами для обозначения испорченной мужественности. Такие слова, как *effeminatus* и *delicatus* (изнеженный, женоподобный), *mollitia* (мягкость/изнеженность) *muliebriarius* (женственный), *catamite* (содомит) использовались для описания женоподобных и испорченных мужчин. Приведенные термины – часть классической традиции, порицающей гомосексуальные мужские связи [30, р. 49–54; 34, р. 136–176]. Важно и встречаемое у Уильяма Мальмсберийского редкое слово *exoletus* (*exoletus*), в классической латыни означающее мужчину-проститута [34, р. 90–93]. Использование Уильямом этого термина может говорить о том, что средневековый хронист был не только знаком со спецификой употребления слов, характеризующих различные сексуальные практики, но и то, что он с точностью выбрал *exoletus* для описания двора Вильгельма Руфуса, подвергнув его таким образом особо резкой критике.

Отдельное место в трудах англо-нормандских авторов занимают образы героинь, выходящих за рамки допустимого женского поведения. В частности, речь идет о женщинах, которые стремятся к неполюженной им власти. Один из ярких примеров этого – история мачехи короля Эдуарда Мученика Эльфриты.

Согласно труду Уильяма Мальмсберийского, король Эдуард отдал сводному брату, будущему правителю Этельреду Нерешительному, и мачехе Эльфрите все привилегии, однако последняя, возжелав для себя и своего сына еще больше власти, приказала убить пасынка, в результате чего была наказана: «Однако женщина с ненавистью мачехи и коварством змеи (*nouercali odio uipereum dolum*), забываясь о том, чтобы ее сын также пользовался королевским титулом, замышляла против жизни своего пасынка заговор, который она осуществила следующим образом. Он возвращался, уставший от охоты, изнеможенный от жажды после своих трудов; его спутники следовали за гонимыми туда, куда их завел случай; и, узнав, что они остановились в соседней деревне, молодой человек прищипнул свою лошадь и поспешил туда, не боясь ничего в силу своей невинности и, несомненно, судя других людей по себе. По его приезду мачеха женскими ласками отвлекла его внимание и, поцеловав, предложила ему испить из кубка. Когда он жадно опустошил его, она приказала одному из своих слуг пронзить [Эдуарда] кинжалом» (*Interea rex Eduardus fratrem puerulum et nouercam pietate congrua colere, solum nomen regis habere, illis cetera permittere, paternae religionis uestigia rimari, bonis consiliis aurem et animum accommodare; at mulier, nouercali odio uipereum dolum ruminans ut nec nomen regis filio deesset, insidias priuigno struere, quas hoc modo consummauit. Lassus uenatione reuertebatur*

propter laborem siti anhelus; comites, quo quemque casus tulerat, canes consecabantur; auditoque quod illi in contigua uilla habitarent, equo concito illuc contendit iuuenculus solus, nichil propter innocentiam metuens, aliorum quippe animos ex suo ponderans. Tunc illa muliebri blanditia aduentantem allitiens, sibi fecit intendere, et post libata basia porrectum poculum auide haurientem per satellitem sica transfodit) [13, р. 264–266].

В этом рассказе Эльфриты, с одной стороны, воплощает архетип злой мачехи – традиционный образ ужасной женщины, который уходит своими корнями в женоненавистническую традицию античных и библейских текстов [35, р. 2]. С другой стороны, она, возможно, олицетворяет страх перед женским стремлением добиться власти любой ценой, ниспровергнув естественный порядок вещей. Эльфрита желает несправедливой, чрезмерной и неподобающей ей власти, что делает её особенно порочной в глазах автора и читателей.

Эльфрита порицается не только за несправедливое стремление к власти. Она в истории Уильяма – не только злая мачеха, но и плохая, порочная (*ignominiosa*) мать, что является нарушением традиционных представлений о достойных моделях женского поведения. Она опасна, агрессивна и представляет угрозу собственному сыну. Уильям рассказывает историю, как Эльфрита избила своего невинного (*innocentem*) сына свечами (*candelis*), после чего он всю оставшуюся жизнь боялся их света [13, р. 268]. Уильям называет ее убийцей (*interfectorix*), предопределившей неудачное правление ее сына. «Путь его жизни был жестоким в начале, жалким в середине и позорным в конце» (*Eius uitae cursus seuus in principio, miser in medio, turpis in exitu asseritur*) [13, р. 268], в том числе из-за деяний его матери.

Эта история важна и в другом отношении. Деяния Эльфриты привели к тому, что «вся страна долгое время после этого ревела в варварском подчинении» (*tota patria seruitutem infremuisset barbaricam*) [13, р. 266]. Так хронист напрямую связывает один из поворотных моментов английского прошлого с деяниями женщины, вышедшей за рамки представлений о приемлемом женском поведении.

В итоге, положение страны, которая подверглась датскому завоеванию, усугубили и Эльфрита, которая вышла за рамки приемлемого женского поведения, и ее изнеженный сын, недостойный правитель Этельред. Таким образом, эта история показывает, как нарушение гендерных норм и мужчинами, и женщинами является средством объяснения и выстраивания нарратива в трудах англо-нормандских историков. Приведенный эпизод не только поучителен, он – один из ключевых моментов английского прошлого в труде Уильяма Мальмсберийского.

Есть и другие примеры, характеризующие стремящихся к неполюженной им власти жен-

щин, в особенности мачех. Яркая и поучительная история представлена у Ордерики Виталия. Он рассказывает о второй жене французского короля Филиппа I Бертраде, которая хотела хитростью погубить претендента на престол, пасынка Людовика и обеспечить власть своим сыновьям. Во время его визита в Англию ко двору короля Генриха она отправила письмо, якобы написанное Филиппом, содержащее приказ арестовать Людовика. Мудрый монарх (*Sapiens sceptriger*) не поверил абсурдному и неподобающему поручению (*absurdum et inconueniens preceptum*), порождённому женской необузданностью (*per femineam procacitatem*). В итоге преступное предательство (*nefaria proditio*) мачехи раскрылось, после чего жестокая изменница (*adultera crudelis*), необузданная мачеха (*prosaх poverca*) решает прибегнуть к помощи колдунов и яда. Однако пасынок выжил и выздоровел, после чего заступился за мачеху – отравительницу, колдунью (*venefica*). Поскольку ее злодеяние было раскрыто (*pro detecto scelere contremuit*), она перед ним содрогнулась и, после всего, стала ему служить, чтобы добиться прощения [24, p. 52–54].

Эта история, как минимум по яркой уничижительной лексике, показывает негативное отношение к мачехе, которая стремится всеми возможными способами – хитростью, уловками, ядом, колдунами – завладеть для своих сыновей неположенной им властью.

В итоге в образе мачехи-вдовы видится женщина, с одной стороны, склонная к преступлениям (колдовству, наветам), нарушающая представления о приемлемом женском поведении, с другой – стремившаяся к власти для себя и своих детей, что нарушало порядок престолонаследия и могло привести к хаосу и войнам.

В образах коварных мачех прослеживается критика женщины во власти в целом, однако повега – не только синоним женщины, нарушающей представления о приемлемом женском поведении, это еще и важный инструмент объяснения и конструирования прошлого. Деяния Эльфриты в этом случае – самый яркий пример.

Других женщин, которые стремятся к неположенной им власти, ждет жестокая кара и гибель, как это, например, произошло с сестрой мерсийского наследника Кенельма. Она возжелала власти и престола, предназначавшихся брату, приказала слуге его убить, но и сама была жестоко наказана: «Тогда глазные яблоки той ведьмы (*ueneficae*) были вырваны божественной силой из полых глазниц и запятнали кровью стих: “Это дело клеветников на меня пред Господом и злословящих на душу мою”. Следы крови сохраняются и сегодня, свидетельствуя о жестокости (*immanitatem*) женщины и мести Бога» (*Tum uero ui diuina lumina ueneficae cauis orbibus euulsa cruore uersum polluerunt «Nec opus eorum qui detrahunt michi apud Dominum, et qui*

loquuntur mala aduersus animam meam». *Cruoris signa extant hodie, immanitatem mulierculae et Deilutionem spirantia*) [13, p. 392].

Иоанн Вустерский не передает таких кровавых подробностей, ограничиваясь сообщением о том, что Кенельм погиб из-за козней сестры, чья совесть была вооружена неистовым желанием править (*conscientiam dira cupido regnandi armarat*) [15, p. 238–240].

Так же и у Ордерики женщины, которые преследовали свои собственные цели в контексте, не одобряемом автором, встречаются позорный конец. Мабель, ненавистница обители Сент-Эвруль, поплатилась жизнью за то, что несправедливо лишила Гуго Бунеля земель: в итоге она погибает от его рук в собственной ванной [21, p. 134–136]. С. Джонс выдвигает гипотезу, согласно которой эта история, отсылающая к эпической традиции, в том числе сюжетно повторяющей убийство Агамемнона, является вымышленной [36, p. 17]. Соглашаясь с ее мыслью, можно предположить, что этот сюжет был специально введен Ордерики для того, чтобы очернить образ Мабели, а также привести читателям яркий пример наказания, которое ждет женщину за ее несправедливые деяния.

Другой интересный эпизод – Обри, жена графа Байе Ральфа, была убита мужем за попытку изгнать его из замка. Этот замок, мощный и отлично укрепленный (*ingens et munitissima*), она построила сама, но архитектора, чтобы он не воздвиг другого такого же неприступного сооружения, она казнила [22, p. 290]. Череду зла, начатую женщиной, Ордерики сопровождает следующим рассуждением: «Так что колесо фортуны вращается каждый день, и состояние мира подвержено многим изменениям. Глупец воистину слеп, если, постоянно видя такие вещи, не наказывается, а уповает на то, что рушится в одно мгновение. Человек посылает своего ближнего на смерть и, доведя его до гибели, следует по тому же пути, заслуженно, увы, теряя силу помогать себе или другим» (*En uolubilis fortuna cotidie rotatur: et mundi status uariabiliter agitur. Insipiens nimis excecatur qui talia uidet assidue nec castigatur, sed confidit in eo qui cito precipitatur. Mortalis mortalem in mortem impellit, parique cursu sequitur illum quem in exitium premisit, meritoque sibi uel aliis suffragari posse proh dolor amittit*) [22, p. 290].

В итоге женщина, стремившаяся к несправедливой и чрезмерной власти, жестока (*crudelis femina*), она действует с коварством змеи (*odio uipereum*), ее деяния – преступное предательство (*nefaria proditio*), направленное женской необузданностью (*per femineam procacitatem*).

Подводя итог, отметим, что ненормативное гендерное поведение было не только фактором ослабляющим и порочным, оно служило также средством объяснения катастроф и событий прошлого. Сюжеты с участием женоподобных

мужчин и стремящихся к неполюженной власти женщин сопровождалась порицаниями авторов, которые не только характеризовали таких героев уничижительной лексикой, но и связывали их поведение с трагедиями, случившимися с Англией в XI в.

Завоевание датчан в трактовке Уильяма – наказание, постигшее народ в лице его распутного испорченного короля и его матери, которая воплощает собой «неправильное» женское; крушение Белого корабля с последующей гражданской войной – наказание за содомию, Нормандское завоевание – наказание в том числе за неподобающую мужскую моду. В итоге женподобное и недопустимое женское поведение ведут к катастрофам и являются одной из ключевых причин кризисных событий. Так, нарушение христианской нравственности вписано в исторические труды не только с целью развлекать и назидать – эти сюжеты – неотъемлемая и важная часть построения исторического нарратива и объяснения процесса.

Список литературы

1. Гладков А. К. *Nugae curialium*: критика нравов придворных в английской политической мысли XII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 9–14. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2012-12-3-9-14>
2. Мереминский С. Г. Формирование традиции: английское историописание второй половины XI – первой половины XII веков. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
3. Campbell J. Some Twelfth-Century Views of the Anglo-Saxon Past // *Peritia*. 1984. Vol. 3. P. 131–150.
4. Gransden A. *Historical Writing in England* : c. 550 to c. 1307 : in 2 vols. London : Routledge, 2013. Vol. 1. 1336 p. (First ed. – 1974).
5. Chibnall M. Women in Orderic Vitalis // *Haskins Society Journal*. 1990. Vol. 2. P. 105–121.
6. Fenton K. Gender, Nation and Conquest in the Works of William of Malmesbury. Martlesham : Boydell & Brewer Ltd, 2008. 163 p.
7. Tolhurst F. Geoffrey of Monmouth and the Translation of Female Kingship. New York : Palgrave Macmillan, 2013. 347 p.
8. Stafford P. The Portrayal of Royal Women in England, Mid-Tenth to Mid-Twelfth Centuries // *Medieval Queenship* / ed. by J. C. Parsons. New York : St. Martin's Press, 1993. P. 143–168.
9. Stafford P. Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh-Century England. Hoboken : Wiley-Blackwell, 2001. 384 p.
10. Болдырева И. И. Проблемы образа и статуса Эдиты Уэссекской в Житии Эдуарда Исповедника // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 196–201.
11. Болдырева И. И. Женщина как правонарушительница в англосаксонском обществе X–XI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 445–450. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>
12. Болдырева И. И. Положение жены правителя в Англии второй половины X века: королева Эльфтрида // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 198–206. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-198-206>
13. William of Malmesbury. *Gesta Regum Anglorum* : in 2 vols. / ed. by R. A. B. Mynors, compl. by R. M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford : Oxford University Press, 1998. Vol. 1. 912 p.
14. William of Malmesbury. *Gesta Regum Anglorum* : in 2 vols. / ed. by R. A. B. Mynors, completed by R. M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford : Oxford University Press, 1999. Vol. 2. 544 p.
15. The Chronicle of John of Worcester : in 3 vols. / ed. by R. R. Darlington, P. McGurk. Oxford : Clarendon Press, 1995. Vol. 2. 804 p.
16. The Chronicle of John of Worcester : in 3 vols. / ed. by R. R. Darlington, P. McGurk. Oxford : Clarendon Press, 1998. Vol. 3. 408 p.
17. Henrici Archidiaconi Huntendunensis *Historia Anglorum* / ed. by A. Thomas. London : Longman & Co, 1879. 476 p.
18. Генрих Хантингдонский. История Англиков / пер. с лат., вступ. статья, прим., библи. и указ. С. Г. Мереминского. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 608 с.
19. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1968. Vol. 1. 402 p.
20. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1969. Vol. 2. 456 p.
21. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1972. Vol. 3. 452 p.
22. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1973. Vol. 4. 393 p.
23. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1975. Vol. 5. 413 p.
24. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1978. Vol. 6. 611 p.
25. Состояние переходности и смыслы истории / под ред. М. С. Бобковой, С. Г. Мереминского, М. П. Айзенштадт. М. : Евразия, 2019. 400 с.
26. Cadden J. The Meanings of Sex Difference in the Middle Ages: Medicine, Science, and Culture. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 328 p.
27. Thibodeaux J. The Manly Priest: Clerical Celibacy, Masculinity, and Reform in England and Normandy, 1066–1300. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2015. 240 p.

28. Eadmeri Historia Novorum in Anglia: et Opuscula Duo de Vita Sancti Anselmi et Quibusdam Miraculis Ejus. London : Longman and Co, 1884. 460 p.
29. *Licence T.* Sex at the Court of William Rufus // Haskins Society Journal. 2021. № 33. P. 13–33.
30. *Fone B.* Homophobia: A History. New York : Metropolitan Books, 2001. 496 p.
31. *Goodich M.* The Unmentionable Vice: Homosexuality in the Later Medieval Period. Santa Barbara : Ross-Erickson Publishers, 1979. 192 p.
32. *Niles J.* The Idea of Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, Renewing the Past. Hoboken : John Wiley & Sons, 2015. 425 p.
33. *Leyser H.* A Short History of the Anglo-Saxons. London : I. B. Tauris, 2016. 256 p.
34. *Williams G.* Roman Homosexuality. Oxford : Oxford University Press, 2010. 471 p.
35. *Clausen S.* Stepmothers as Villains: The Dark Side of Medieval Motherhood. URL: https://www.academia.edu/522310/Stepmothers_as_Villains_the_dark_side_of_Medieval_Motherhood (дата обращения: 10.04.2024).
36. *Johns S.* Noblewomen, Aristocracy and Power in the Twelfth-Century Anglo-Norman Realm. Manchester : Manchester University Press, 2003. 288 p.

Поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 04.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025